

ЛЮБОВЬ МОЯ, ТЕАТР...

ПРАВДА
ОНЛА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Известному советскому драматургу лауреату Государственной премии СССР Виктору Сергеевичу Розову — 70 лет. Его пьесы, исследующие нравственный мир современника, утверждающие высокие идеалы добра и справедливости, прочно вошли в репертуар театра. По ним созданы спектакли, ставшие золотым фондом советского сценического искусства, сняты многие кинофильмы, сделаны теле- и радиопостановки. Ниже публикуются воспоминания писателя о пройденном творческом пути, его заметки о сегодняшнем дне театра.

Давным-давно я пишу книгу под названием «Путешествие в разные стороны» — рассказы о том удивительном, что случилось со мной в жизни. Некоторые главы этой книги уже публиковались в журналах, в том числе первая, которая называется «Я — счастливый человек». Попытаюсь объяснить, почему решил дать ей такое название.

Чехов говорил, что непоставленная пьеса — это тело без души. И хотя замечание Чехова не абсолютно, все же литературная и сценическая жизнь пьесы во многом не схожи. Конечно, каждый драматург мечтает увидеть свое детище на сцене. Тут-то и начинается судьба его произведения. Пьесу могут провалить, и имя автора канет в Лету. Хуже того, сделается предметом сожалений, а то и насмешек. Опять же вспомним Чехова, который чуть не умер от позора, услышав слова: «Это не «Чайка», это какая-то дичь» после спектакля в знаменитом Александринском театре.

Многие драматурги и сейчас жалуются как на режиссуру, так и на актеров. Мне везло. И, кроме слов благодарности друзьям, у меня ничего нет.

В чем причина такого везения? Я же не в денежно-вещевую лотерею играл, не в «Спортлото». А вот, по-моему, в чем. С первой своей робкой работой пришел в неведомый, чужой мне тогда Центральный детский театр. Пьеса написана от души — не было денег на то, чтобы отпечатать на машинке. Вид у меня, молодого автора, самый непрезентабельный — недавно перенес ранение, с костылей уже слез, но сильно хромаю, худой, одетый в переделанный трофейный австрийский френч... Но читаю пьесу на труппе театра.

Отвлекусь и замечу: многие ли из современных молодых авторов могут похвалиться такой заинтересованностью по отношению к себе? Не ждут ли они ответа на отданную в театр, отпечатанную на хорошей бумаге пьесу неделями, месяцами, а то и годами? И это при том, что многие их сочинения сегодня на десять голов выше той моей работы.

А в какую доброжелательную, сердечную творческую атмосферу попал я в Центральном детском театре! Пьеса двигалась нелегко, но директор К. Я. Шах-Азизов опытной рукой вывел ее к премьере. Помню, не пропускал ни одной репетиции, они были для меня драгоценной школой. Пожелания о каких-либо изменениях в тексте носили чисто творческий характер, и сама форма пожеланий была не только доказательной, но и крайне вежливой. Это не были требования — только просьбы. Решительно все: режиссеры — актриса громадного таланта О. И. Пыжова и ее друг Б. В. Бибилов, занятые в пьесе актеры, а среди них и уже знаменитые В. Сперантова, Л. Чернышева, и только что пришедший в театр О. Ефремов Г. Печников, Г. Новожилова относились и к моей пьесе, и ко мне, можно сказать, с любовью. А потом — столь же незабываемая и дружная работа с М. О. Кнебель. Было радостно жить. И счастье крылось в самой работе.

К сожалению, я знаю и другие примеры. Как глубоко и жестоко порой оскорбляется авторское самолюбие, особенно молодых. Нанесенные раны уродуют талант, ожесточают человека.

А однажды ко мне пришел Михаил Константинович Калатозов — такой величественный, ухоженный, знаменитый — и обратился с просьбой написать сценарий по пьесе «Вечно живые». Я спросил режиссера, откуда он знает про пьесу. Ответ был удивительно:

— Прочел ее в гранках в журнале «Театр».

Работа с М. К. Калатозовым и оператором С. П. Урусевским была радостью не только творческой, но и человеческой. И снова великолепная плеяда актеров — Т. Самойлова, А. Баталов, В. Меркурьев... Фильм «Летят журавли» снимался страстно, весело.

Отмечу как любопытный факт: когда мне показали первую отснятую сценку, обнаружил в ней много актерских «отсебятин». Сказал об этом Михаилу Константиновичу. «Виктор Сергеевич, — ответил он, — обещаю вам больше подобного не допускать». И не допускал. В самом деле, уж за что, а за текст-то отвечаю лично я. Стыдно, когда с экрана идет словесная жвачка. Нет везло мне. Я — счастливый человек!

При своем рождении театр «Современник» тоже выбрал мою пьесу. О работе тех лет с Олегом Ефремовым и его соратниками можно было бы писать долго — есть о чем. И главное — о царившей атмосфере товарищества. Именно на этих дрожжах любви друг к другу и к общему делу возшел коллектив Думаю, так же было при рождении МХАТ, театра Вахтангова — каждого коллектива который поражал открытиями.

Нет этой любви и братства в нашей работе — и театр превращается в некое учреждение культурно-просветительного характера. Известно: любовь — источник жизни. Она же и источник творчества. Она придает театру и каждому поставленному в нем спектаклю ту неповторимость, что и отличает один коллектив от другого. Алексей Николаевич Арбузов когда-то мне сказал: «Виктор, вы счастливый человек, у вас есть свой театр».

А потом — годы работы с А. В. Эфросом. В Н. Плучеком, тоже согретые взаимной крепкой дружбой и любовью.

Главное, что мне хочется подчеркнуть: авторов надо выращивать в театрах. Они — живые, творческие люди, и надо помогать им мужать, справляться с невзгодами, работать и работать несмотря ни на что. Напомню: лучшие театры мира назывались театрами Шекспира, Мольера, Островского, Чехова...

Сегодня многие режиссеры и актеры любят говорить об этике, которую им завещал Станиславский. Но, пламенно витийствуя с трибун совещаний, симпозиумов, вернувшись в свой театр, они иногда начисто забывают о том, что только что проповедовали, и, обуреваемые далеко не творческими страстями, создают тяжелую, а порой и невыносимую атмосферу в своем же собственном доме. У всех деятелей театров, разумеется, много ежедневных забот, нередко тяжких, но давно известно, что и эти тяготы легче преодолевать, когда внутри коллектива есть взаимные уважение и любовь.

Оглядываясь назад, только теперь понимаю: как же мне посчастливилось — меня любили режиссеры и актеры. Но, товарищи, и я их любил. И люблю!

Виктор РОЗОВ.